

Иван Саввич НИКИТИН

В центре Воронежа, на месте прежней тихой окраины, посреди высоких современных домов, зажат уголок бывшего Митрофаньевского кладбища с двумя дорогими каждому русскому сердцу могилами. Есть особый печальный смысл в том, что А. В. Кольцов и И. С. Никитин похоронены рядом. В сознании многих поколений эти имена неразрывно связаны между собой. Поэтов роднит не только город, в котором они выросли, но и схожесть жизненной судьбы.

В герценовском мартирологе литературных жертв царизма значится только Кольцов. Но если бы "реестр каторги" был продолжен, туда неминуемо попал бы и другой воронежский стихотворец. Оба не дожили и до сорока лет. Обоих убила гнусная российская действительность.

Даже сам колорит образов у них близок.

Иль у сокола Крылья связаны, Иль пути ему Все заказаны? – восклицал темпераментный Кольцов, вся поэзия которого – порыв к свободному, соколиному полету.

Более сдержанный, замкнутый в себе, Никитин выражал свои чувства иносказательно:

На старом кургане, в широкой степи,
Прикованный сокол сидит на цепи.
Сидит он уж тысячу лет,
Все нет ему воли, все нет!
И грудь он когтями с досады терзает,
И каплями кровь из груди вытекает.
Летят в синеве облака,
А степь широка, широка...

Никитинский сокол из стихотворения "Хозяин" – удивительно емкий по смыслу образ. Комментаторы справедливо считают его символом угнетенной России, опутанной по рукам и ногам цепями рабства. Думается, можно иррационально образ еще и как горестный автопортрет, как итог многолетних раздумий над участью писателя в крепостнической стране. Прикованный сокол – это аллегорический намек на положение русских литераторов, это и сам Никитин, чей блистательный талант был придавлен, заземлен, скован суровыми условиями жизни.

* * *

В воронежском дворнике, который даже внешне, как свидетельствуют очевидцы, напоминал Шиллера, обитала на редкость цельная натура художника. В Никитине беспрерывно шла тяжелая, подчас изнурительная работа духа – по сравнению с нею заботы о постоянном дворе или книжной лавке казались пустяками.

"Памяти сильного человека" – так назвал Иван Бунин свою статью о Никитине (189,) и уже в заглавии приблизился к постижению сущности. Природа действительно наделила Никитина задатками сильной личности. Он немало сделал, но мог бы сделать еще больше! Подчиняясь грубому натиску повседневного быта, Никитин сознательно сузил спектр своих поэтических красок. Ему хотелось, как всякому художнику, обнять мыслью разнообразные проявления человеческого "я", но реальность толкала к темам о девочке-сироте, о грубых нравах извозчиков, о старике портном, который просит могильщика заранее выкопать яму, потому что больной дочери нечем будет потом платить. Ему хотелось уйти от тягостных кладбищенских мотивов, от навязчивых картин нищеты, но он не мог себе этого позволить. Слишком много видел со своего степного кургана зла, страданий и бед!

По никитинским стихам нельзя в полной мере представить человеческий облик автора. Со слов биографа М. Ф. Де-Пуле известно, например, что Никитин любил вращаться в обществе женщин и им нравился. Однако мы почти не найдем у поэта любовной лирики в ее чистом виде. В кругу приятелей Никитина знали как тонкого ценителя шуток, он и сам обладал чрезвычайно развитым чувством юмора, что отразилось на слоге его дружеской переписки. Но тщетны будут попытки отыскать в его произведениях даже намек на эту сторону его личности.